

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

208

СРЕДНЕВЕКОВАЯ АРХЕОЛОГИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

«НАУКА»

1993

ЭЛЕМЕНТЫ ПИСЬМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ ЗЕМЛИ ПРУССОВ

Появление письменности является важным этапом истории древних народов, показывает определенный уровень их социального и культурного развития. Как правило, появление письменности предшествует (или совпадает по времени) становлению раннегосударственных отношений.

Исследования В.Т. Пашуто, Х. Моора и Х. Лиги показали наличие в XII–XIII вв. у племен юго-восточной Прибалтики социальной ситуации предгосударственного уровня¹. Правда, письменные источники (прежде всего: "Хроника земли Прусской" Петра из Дусбурга) фиксируют отсутствие письменности у раннесредневековых балтов, прежде всего у пруссов². Для прояснения этого вопроса у населения западных рубежей балтского мира целесообразно привлечь данные археологии.

Знаки, напоминающие руны, встречены в междуречье рек Вислы и Немана, т.е. в ареале пруссов и родственных племен, на украшениях.

1. Два пластинчатых перстня, обнаруженные на Куршской косе, имели нанесенные в одном случае два раза, в другом случае – три раза знаки, по мнению В. Герте, соответствующие руне "jara"³. Как и руны старшескандинавского футарка из Кёрлина и Петроасы, данные надписи датируются IV–V вв.

2. Пальчатая бронзовая фибула вида "Киев" (рис. 1, 1) из погребения 548 могильника Косево 1 (Ольштыгское воеводство Польши) на тыльной стороне содержала прорезное изображение знака, напоминающего руну старшескандинавского футарка "fé" ("Freye")⁴. Дата фибулы – 600–650 гг.⁵

3. Подковообразная фибула из погребения могильника Кауп без номера (инв. N V. 99. 7391 по описи бывш. Пруссия-музеум), на одной из ромбических головок которой прорезаны два руноподобных знака (рис. 1, 2)⁶. Дата фибулы — 950–1000 гг.⁷

"Знаки собственности", традиционно возводимые к рунам младших скандинавских футарков⁸, встречены на оружии и бытовых предметах.

4. Секира типа М (по Я. Петерсену) из погребения 10 могильника Ирзекапинис (Зеленоградский р-н Калининградской обл.) имеет на торцевой стороне бронзовой обкладки рукоятки выбитый пуансоном знак (рис. 1, б)⁹. Последний известен среди дворовых знаков раннесредневековой Европы под названием "песочные часы" и восходит к руне "qufu"¹⁰. Дата секиры со знаком – 990–1020 гг.¹¹

5. Знаки на днищах трех круговых сосудов – временных урн из погребений 36, 49 и 64 могильника Ирзекапинис (рис. 2, 3–5). Временные урны в обряде пруссов VI–XI вв. служили для переноса кальцинированных костей с погребального костра в могилу. Здесь кости высыпали в могильную яму, а временную урну бросали рядом. Знаки на днищах сосудов выложены мелкими частицами дробленого гранита по сырой глине перед обжигом керамики. Скорее всего эти фигуры первоначально выкладывались на дощечке, на которую потом ставили перед формовкой временную урну. После обжига некоторые частицы гранита отпадали. Ввиду специфики изображения этих знаков их можно считать не просто знаками собственности хозяев сосудов¹², а скорее всего

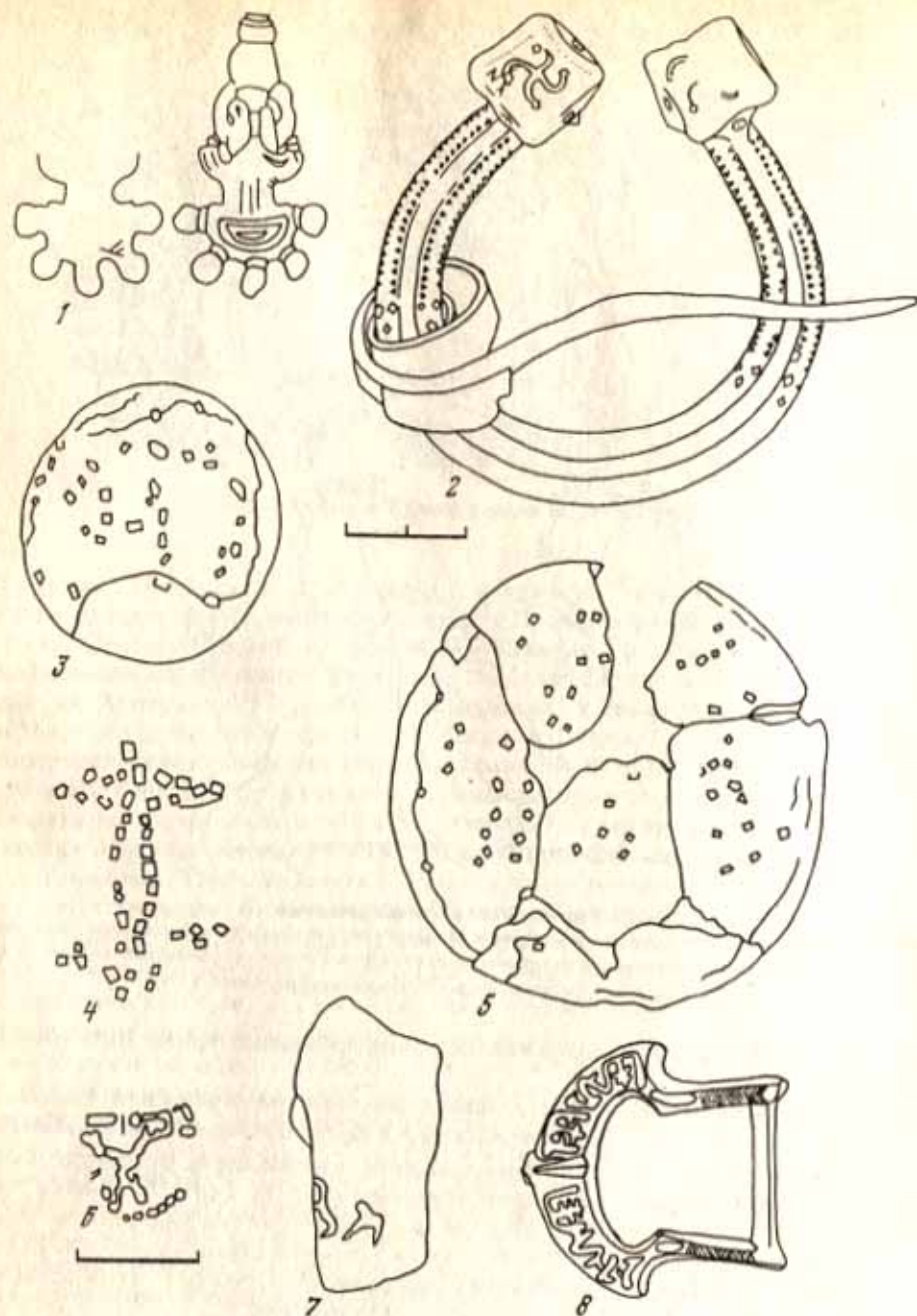

Рис. 1. Элементы языковых систем в материальной скульптуре раннесредневековых пруссов

1 — бронзовая фибула из погребения 548 могильника Косево 1; 2 — бронзовая фибула без номера могильника Кауп; 3 — днище сосуда из погребения 64 могильника Ирзекапинис; 4 — знак на днище сосуда из погребения 49 того же могильника; 5 — днище сосуда из погребения 36 того же могильника; 6 — знак на секире из погребения 10 того же могильника; 7 — остатки надписи на фрагменте сосуда из раскопа III могильника Ирзекапинис; 8 — имитация арабской надписи на пряжке из погребения без номера могильника Вольное; 9 — надпись на "флаге" и "гербе" пруссов

ΔΕΗΑ ΟΒΡΛ ΑΗΒΧ.} Α Ε Γ Ο Η . Φ Ζ ΑΤ } Β } Γ ΑΧ
 ρ Η } .⁹

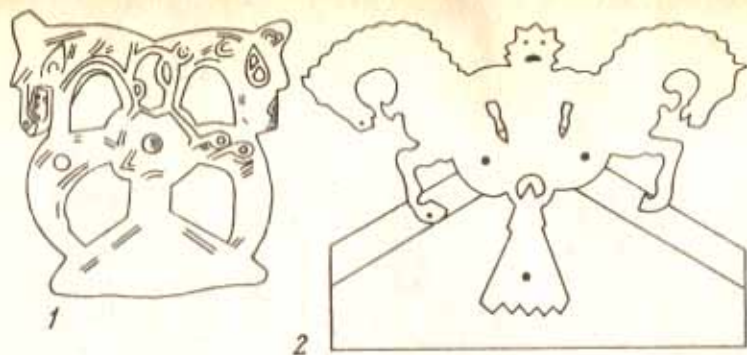

Рис. 2. Реплики носохи Криве-Кривайтиса

1 — обоймца стремени из погребения 1 могильника Ирзекапинис (изображение выполнено серебряной инкрустацией по железу); 2 — деревянное навершие фронтона из д. Пакарклис (Кедайнийский р-н Литвы); 3 — герб Видевута (реконструкция К. Хеншебергера, конец XV в.)

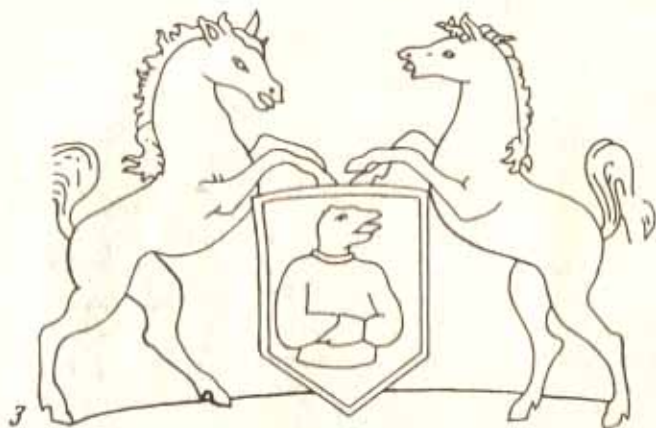

Рис. 3. "Знамя Видевута" (реконструкция К. Хеншебергера, конец XV в.)

тамгами тех людей, чьи кости содержались в этих временных урнах. Дата сосудов — 1020–1100 гг.¹³

6. Имитация арабской надписи представлена на бронзовой лировидной пряжке (рис. 1, 8) из могильника Вольное (Зеленоградский р-н Калининградской обл.). Имитация надписи сделана еще на восковой форме данной пряжки перед ее помещением в литейную глиняную форму. Как справедливо отметил В. Герте¹⁴, пряжка имеет аналогии в болгарских древностях Поволжья. Чуждой балтам является не только имитированная надпись, но и сама форма пряжки. Сходным образом арабские надписи моделировались на киевских подражаниях диргемам 950–1000 гг.¹⁵ Этим временем, видимо, следует датировать и пряжку из могильника Вольное.

Строчные надписи в прямом смысле слова представлены в раннесредневековом прусском материале следующим образом.

7. Два знака (буквы?), прочерченные до обжига на стенке кругового сосуда из раскопа III (вне погребальных комплексов) могильника Ирзекапинис (рис. 1, 7).

8. Текст на "знамени Видевута" (знаменитого вождя пруссов), впервые опубликованный в 1526 г. в "Прусской хронике" Симона Грунау (рис. 1, 9)¹⁶. Долгое время данные хрониста подвергались критике¹⁷. Однако в последнее время реалии, описанные Грунау, в том числе представленные на "знамени" образы прусских богов —

Перкуна, Патолса и Потримпса, признаны соответствующими культуре раннесредневековых пруссов-язычников¹⁸. Проведенный недавно фактологический анализ "Прусской хроники" позволяет утверждать факт использования Грунау не дошедших до нас подлинников текста XIII в., принадлежавшего перу первого епископа Пруссии Христиана¹⁹. Последний использовал в своих записях как пропавшие к настоящему времени средневропейские хроники I тысячелетия н.э., так и непосредственную информацию представителей различных социальных слоев прусского общества. Среди последних, видимо, присутствовали и языческие жрецы, обладавшие значительным объемом данных. Подлинность сообщения хрониста о "знамени Видевута" можно косвенно доказать посредством рассмотрения упомянутого после "знамени" герба Видевута: "Кроме того, существовал некий щит, по сторонам которого стояли две белые лошади. На щите был погрудно изображен некто вроде мужа с лицом, напоминающим медведя с разверстой пастью"²⁰ (рис. 2, 3). Данный "щит", аналогии которому есть как в археологическом (рис. 2, 1), так и в этнографическом (рис. 2, 2) материалах западных балтов, вполне реален. Правда, этот предмет не имеет отношения к геральдике и является, как и близкие ему по схеме навершия скифских жезлов²¹, ритуальным жреческим посохом. Изображение на его навершии солнечного бога Перкуна, влекомого двумя священными для пруссов белыми лошадьми, вполне логично. Видимо, этот жезл соответствует упомянутой Петром из Дусбурга "кривуле" — символу сакральной власти верховного жреца пруссов Криве-Кривайтиса²². Также и само "знамя Видевута" вряд ли было знаменем в собственном смысле этого слова. Скорее всего Христиан и вслед за ним Грунау, описывая языческие святилища, спасенные пруссами перед разгромом крестоносцами святилища Ромове²³, воспринимали их в рамках своего мировоззрения как государственные и геральдические аксессуары. Среди упомянутых выше предметов культа были жезл Криве-Кривайтиса и священный покров с изображением божества, ограждавший святилище от глаз посторонних²⁴. Такие же священные покровы использовались в X–XI вв. в храмах западных славян²⁵. Симон Грунау сообщает, что надпись была представлена как на "знамени" (рис. 3), так и на "гербе Видевута"²⁶.

Итак, в прусском археологическом материале VI(?)–XIII вв. имеются 11 предметов со знаками письменности или с изображениями, близкими к последним. По их характеру данные знаки можно объединить в следующие группы:

1. Отдельные руноподобные знаки VI(?)–X вв., дополнительно свидетельствующие

о заметной роли скандинавов в общественной и культурной жизни западных балтов эпохи раннего средневековья. Участвовавшие в формировании прусской дружины скандинавские воины и торговцы²⁷ оставили в юго-восточной Прибалтике (как и вообще на северо-западе Восточной Европы) значительное количество памятников старшей и младшерунической письменности. Они имеют с основным магическое значение²⁸. По мнению ряда исследователей, скандинавские руны оказали прямое влияние на создание одного из вариантов знаковой системы средневековой Литвы – календарных знаков²⁹.

II. Знаки собственности (N 4, 5) XI в., частично восходящие к рунической письменности. Таково происхождение знака на секире из Ирзекапиниса (N 4). Знаки на днищах временных урн пруссов, как и изображения на латвийских пряслицах XII в.³⁰, могли являться элементами примитивного письма местного, балтского происхождения и вести свую родословную от древнейших элементов орнамента³¹.

III. Имитация арабской надписи (N 6) связана, видимо, с попыткой восточноевропейского (киевского?) мастера полностью воссоздать облик престижного иноземного украшения. Факт находки в земле пруссов этой пряжки еще раз подтверждает тесные этнокультурные контакты, налажившиеся в X в. между землями западных балтов и Киевской Русью³².

IV. Надписи на керамике и сакральных реликвиях пруссов (N 7, 8). Последний текст, приведенный Симоном Грунау и показанный им как одно целое, возможно, разделяется на две части. Это можно предполагать из смысла данных "Прусской хроники": "Итак, были на гербе и знамени буквы и надписи, нам неизвестные..."³³. В любом случае эти знаки письменности рассматривались учеными XVIII–XIX вв. как единый текст, переводившийся на основе рунической или греческой знаковых систем самым разнообразным образом³⁴. В 1904 г. литовские языковеды К. Яунис и К. Буга, используя греческий алфавит (надпись на "знамени" была К. Бугой смоделирована), перевели сакральную надпись пруссов так: "Богов наивысших (погоды) – три: Патоллос, Геркунас, Патримпас. 1309 (год)"³⁵. Текст, как считали исследователи, был написан на древнегреческом языке. Несмотря на внешнюю логичность текста, не решен ряд вопросов, которые не были ясны и авторам перевода (время проникновения греческого письма в землю пруссов, наличие в тексте "сокращений", "датировка", данная в конце текста, и т.п.)³⁶. Перевод прусского текста, сделанный К. Бугой на заре своей научной деятельности, казался спорным самому автору перевода и впоследствии уже не привлекал его внимания. Работа над переводом надписей на "гербе" и "знамени" пруссов XIII в. требует серьезных специальных изысканий. Пока же можно предполагать, что знаки данного текста находят отдельные аналогии как в англосаксонских рунах³⁷, так и в системе письменности раннесредневековых тюрков³⁸. Подобные компоненты в формировании письменности пруссов несудивительны. Данные археологии и топонимики показывают, что как англосаксы³⁹, так и представители тюркского мира⁴⁰ принимали активное участие в социальной жизни пруссов, включались в состав их дружинной и жреческой знати.

Изложенная выше информация о памятниках письменности раннесредневековых пруссов может быть суммирована следующим образом.

Воспроизведение (возможно, имитация) руноподобных знаков в юго-восточной Прибалтике в VI(?)–X вв. отражало присутствие на этих землях пришельцев с северных берегов Балтики. Скандинавы активно участвовали в деятельности местной дружины. Результатом определенной интеграции скандинавской и прусской дружинных культур явилось внедрение некоторых принципов рунической письменности в структуру одного из вариантов местной системы знаков.

Иная система знаков (логографическая) представлена на сосудах. Его элементы отражены в "маркировке" временных урн и функционально могут примыкать к знакам собственности. Надписи на сакральных реликвиях пруссов представляют собой третий

вариант письма, наиболее развитый. Не исключено, что он возник в жреческой среде вследствие внешних импульсов.

Существование в земле пруссов в раннем средневековье минимум одной системы знаков и элементов других систем знаков связано с различными целями передачи информации, с разными материалами, на которые наносились знаки и, возможно, с использованием систем знаков различными слоями местного общества.

- ¹ Паушто В.Т. Образование Литовского государства. М., 1959. С. 116; Моора Н., Ligi H. Wirtschaft und Gesellschaftsordnung der Völker des Baltikums zu Anfang des 13. Jahrhunderts. Tallinn, 1970. S. 52, 53.
- ² Матузова В.И. "Хроника земли Прусской" Петра из Дусбурга // Вопросы истории. 1986. N 7. С. 66.
- ³ Gaerte W. Nordischer Runenzauber in Ostpreussen // Unser Heimat. 1932. N 4. S. 42.
- ⁴ Мельникова Е.В. Скандинавские рунические надписи. М., 1977. С. 12.
- ⁵ Kühn H. Das Problem der masurgermanischen Fibel in Ostpreussen // Documenta archaeologica W. La Baume dedicata. Bonn, 1956. Taf. XXIII, 11–31.
- ⁶ Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи. С. 12.
- ⁷ Кулаков В.И. Этапы истории пруссов // Vakarų baltų archeologija ir istorija. Klaipėda, 1989. С. 39.
- ⁸ Hotteler C. Die Haus- und Hofmarken. В., 1870. S. 30.
- ⁹ Кулаков В.И. Результаты раскопок грунтового могильника у поселка Клишцовки в 1977 г. // Acta Baltico-Slavica. Bialystok, 1980. T. XIII. Fig. 8.
- ¹⁰ Hotteler C. Die Haus- und Hofmarken. S. 145. Taf. II, D.
- ¹¹ Кулаков В.И. Дружинные элементы в могильниках пруссов VII – начала XI в. // Археологические памятники европейской части РСФСР. Погребальные памятники. М., 1988. Рис. 4.
- ¹² Кулаков В.И. Древности пруссов VI–XIII вв. // САИ Г1-9. М., 1990. С. 35.
- ¹³ Кулаков В.И. Дружинные элементы... Рис. 4.
- ¹⁴ Gaerte W. Die Schnalle von Schulstein mit arabischer Schrift // Altpreussen. Königsberg, 1935. I. S. 65.
- ¹⁵ Rispling G. Coins with crosses and bird – Christian imitation of Islamic coins? // Fornvännen. 1987. 82. Fig. 1.
- ¹⁶ Simon Grunau Preussische Chronik. Leipzig, 1876. Bd. 1. S. 78.
- ¹⁷ Мержинский А.Ф. Ромовы // Тр. X Археол. съезда в Риге. М., 1899. Т. 1. С. 355–359.
- ¹⁸ Иванов В.В., Топоров В.Н. Перкунас // Мифы народов мира. М., 1982. Т. 2. С. 303.
- ¹⁹ Simenas V. Videvutis – legends ar tirkovė // Vakarų baltų archeologija ir istorija. Klaipėda, 1989. P. 43.
- ²⁰ Simon Grunau Preussische Chronik. S. 77.
- ²¹ Граков Б.Н. Скифы. М., 1971. С. 83, 84. Табл. XII.
- ²² Матузова В.И. «Хроника земли Прусской» ... С. 66.
- ²³ Кулаков В.И. Дружинные элементы... С. 129, 130. Рис. 8.
- ²⁴ Simon Grunau Preussische Chronik. S. 78.
- ²⁵ Срезневский И. Архитектура храмов языческих славян // ЧОИДР. 1846. 3. С. 47, 48.
- ²⁶ Simon Grunau Preussische Chronik. S. 77.
- ²⁷ Кулаков В.И. Кауп // Становление европейского средневекового города. М., 1989. С. 99.
- ²⁸ Петренко В.П., Кузьменко Ю.К. Младшерунические надписи // Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи. С. 153.
- ²⁹ Dundulienė P., Straišys V. Apie senovės Lietuvių raštą // Mokslas ir gyvenimas. Vilnius, 1985. N 12. P. 27.
- ³⁰ Цауне А.В. Когда появилась письменность на территории Латвийской ССР? // Наука и техника. Рига, 1980. N 2. С. 23.
- ³¹ Элиньш Г. Загадки знаков // Родник. Рига, 1988. N 1(13). С. 36–38.
- ³² Кулаков В.И. Прусы и восточные славяне // Тр. V Междунар. конгресса славянской археологии. М., 1987. Т. III, вып. 1а. С. 120.
- ³³ Simon Grunau Preussische Chronik. S. 77.
- ³⁴ Basanavičius J. Apie senovės prūsų raštą // Lietuvių tautos. Vilnius, 1926. P. 12, 13.
- ³⁵ Вига К. Videvuto vė liavos antrašas // Ibid. P. 16.
- ³⁶ Ibid. P. 19, 20.
- ³⁷ Фридрих И. История письма. М., 1979. Рис. 236.
- ³⁸ Степи Евразии в эпоху средневековья // Археология СССР. М., 1981. Рис. 49.
- ³⁹ Кулаков В.И. Начало дружины прусов // X Всесоюз. конф. по изучению истории, экономики, литературы скандинавских стран и Финляндии. М., 1986. С. 189, 190.
- ⁴⁰ Кулаков В.И. Степные реминисценции у раннесредневековых сербов // Волжская Булгария и Русь. Казань, 1986. С. 140–143.